
УДК 81'42

ББК 81.0

П 16

Пантелеева Т.Ю.

Доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, соискатель кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета; e-mail: zemlya-ah@yandex.ru

Филологическое заключение как особый феномен оценочной сферы *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается суть оценки средств выражения языкового сознания, способных раскрывать лингвистические и комплексные экспертизы, заключения, выполняющиеся по определенным спорным дискурсам. Показано, что юрислингвистика охватывает большое количество аспектов взаимоотношения языка и права, затрагивающих как процесс правотворчества, так и процесс правоприменения. Отмечается, что наиболее востребованной является юрислингвистическая экспертная деятельность – проведение лингвистических экспертиз проектов нормативных актов, неюридических текстов, вовлеченных в правовую сферу, и т.д. Установлено, что текст закона может быть понятным и в то же время правильным, без искажений отражать действительность.

Ключевые слова:

Языковое сознание, категория оценки, судебная экспертиза текста, филологическое заключение, лингвистическая экспертиза, стереотип.

Panteleeva T.Yu.

Doctoral Candidate of General Linguistics Department, Adyghe State University

Treatment of philological conclusion as a special phenomenon of assessment sphere

Abstract:

The paper deals with the essence of assessment concerning ways of expression of the language consciousness, capable to uncover linguistic and complex expert examinations and conclusions which are drawn on certain disputable discourses. The juridical linguistics is shown to cover a large number of aspects of relationship between the language and the law, touching upon both the law creativity and the law application process. The most demanded is noted to be a juridical linguistic expert activity, i.e. making linguistic expert examinations of regulation drafts and nonjuridical texts involved in the legal sphere etc. It is inferred that the text of the law should be clear and at the same time correct; it should reflect reality without distortions. High linguistic standards in the sphere of the legislation language are needed.

Keywords:

Language consciousness, category of an assessment, judicial examination of the text, philological conclusion, linguistic examination, stereotype.

Аспекты системы и динамики исследуемого пространства заостряют внимание на категории оценки. Суть оценки в плане способов выражения языкового сознания раскрывают лингвистические и комплексные экспертизы, заключения, которые выполняются по определенным спорным дискурсам. Обратимся к конфликтогенному медиадискурсу и посвященному ему филологическому заключению специалиста (или соответствующей экспертизе; у ряда авторов экспертиза определяется как видовое понятие относительно заключения). «...лингвистика, показывая, какое место занимает язык по отношению к логике, позволяет нам узнать нечто существенное о человеке: создавая языковые системы репрезентации, он получает возможность продюцировать смысл, превращая последний в средство обмена...» [1: 144].

Первоначально обратимся к характеристике предпосылок анализа материала, из которых три определяем как основные. Это многомерная концептуализация стереотипов; растущее внимание к содержательной целостности; и углубленное освещение филологического заключения как особого феномена оценочной сферы.

Во-первых, стереотипы концептуализируются всё более цельно и многомерно; это создает условия для их анализа с единых позиций в самых разнообразных дискурсах. Для отмеченной концептуализации особенно существенно взаимораскрытие феноменов в двуединстве «стереотипность-творчество», развернутое в серии трудов Пермской лингвистической школы. Двуединство стереотипности и творчества относится к таким лингвистическим понятиям, логическая структура которых, в ее динамике, влияет на поисковую направленность определенной лингвистической школы и развивается в связи с ее концептуальным обогащением.

Во-вторых, растущее внимание к содержательной целостности также благоприятствует избранному ракурсу анализа. Стереотипы органически взаимосвязаны с

целостностью и небезразличны для ее моделей. Оговорим специфику целостности в связи со стереотипами. Емко обоснована следующая убедительная систематика моделей целостности содержания, которые определены на материале научного текста: «... характер понимания определяется целостностью содержания, соответствующей той модели, которая лежит в основе развертывания содержания автором и восприятия его читателем. Модель целостности содержания текста может относиться к одному из трех таких типов, как голографическая, континуальная и дискретно-логическая» [2: 219]. По-видимому, действие данных соотнесенных моделей проявляется и в других стилях.

В-третьих, предпосылкой анализа взаимосвязи между стереотипами оказывается и углубленное освещение филологического заключения (по конфликтному медиатексту) – как особого феномена. Его объект – конфликтный медиатекст – в настоящее время определяется филологами «бесконфликтно», существенных различий в подходах к нему не выявлено. И тем заметнее расхождение в трактовках филологических заключений (экспертиз). При внешней полемичности, представляется, что внутренне они носят преимущественно взаимодополняющий характер. Так, исследователи, имея в виду одинаковые или весьма близкие феномены, номинируют их по-разному. Например А.Н. Баранов предлагает два термина – «теория лингвистических экспертиз» либо «теория лингвистической экспертизы текста» [3: 13]. Однако сам термин «лингвистическая экспертиза», по замечанию Е. И. Галяшиной, не отвечает принятому в юриспруденции и «в общей теории судебной экспертизы принципу наименования экспертизы не по методам, а по исследуемым объектам» [4: 58], например «баллистическая экспертиза», «почерковедческая экспертиза», «почвоведческая экспертиза», «трассологическая экспертиза» и ряд других (Приказ Минюста РФ от 14.05.2003).

В качестве универсального Е.И. Галяшина предлагает свой термин – «судебная экспертиза текста», поскольку это название четко определяет предмет, цели и задачи и круг исследуемых объектов. Однако полагаем, что основания классификации экспертиз и выделяемые классы могут пересекаться. Активное использование в экспертной практике названий, приводимых А.Н. Барановым, подтверждает взаимодополнимую сущность расходящихся номинаций: каждая удачно акцентирует одну определенную сторону феномена.

В этих условиях естественным становится поиск наиболее обтекаемых, обобщенных наименований. Правомерны оказываются названия «экспертиза спорных текстов» или «текстологическая экспертиза» [5: 120]. Высокой объяснительной силой для отмеченных расхождений обладает обобщение о филологическом направлении, нацеленном на специфический объект – «систему языково-правовых феноменов», то есть таких феноменов, «сущность которых формируется двумя типами детерминант: языковой и правовой» [6: 66]. Основной единицей этой дисциплины считается «языково-речевой конфликт, вовлеченный в сферу правового регулирования».

Как известно, исследование проблем языка, стиля нормативных актов, особенностей юридической терминологии, обоснование конкретных рекомендаций по совершенствованию языковой формы нормативных актов – одна из первостепенных задач, разрабатываемых в рамках законодательной техники. «Филология как наука о социуме и человеке в свое время породила лингвистику, снабдив ее общими концептуальными и методологическими принципами подхода к языку как феномену социальной реальности» [7: 185], что способствовало возникновению и активному развитию нового направления на стыке права и языка, именуемого юрислингвистикой.

Юрислингвистика охватывает большое количество аспектов взаимоот-

ношения языка и права, затрагивающих как процесс правотворчества, так и процесс правоприменения. Наиболее востребованной является юрислингвистическая экспертная деятельность (проведение лингвистических экспертиз проектов нормативных актов, проведение лингвистических экспертиз неюридических текстов, вовлеченных в правовую сферу и т.д.). Соблюдение правил создания законодательного текста в настоящее время контролируется в ходе подготовки законопроектов, когда Правовое управление аппарата Государственной Думы по поручению Совета Государственной Думы или ответственного комитета в установленный ими срок осуществляет лингвистическую экспертизу законопроекта. По результатам лингвистической экспертизы законопроекта в его текст вносятся необходимые редакционные изменения, которые не являются поправками к законопроекту. Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов.

Одной из таких норм является требование точности законодательного текста. Юристы подчеркивают, что «важнейшими требованиями, предъявляемыми к языку законодательства, являются его точность и понятность. При этом понятность предполагает доступность термина вообще, точность предполагает наличие полного соответствия между мыслью и ее текстуальным отражением. При этом требования точности и простоты могут противопоставляться» [8: 66]. Стремление к понятности может уменьшить точность юридического текста и, напротив, повышенное внимание к точности способно привести к усложнению его текста. Утверждается, что «главным для нормативного текста является точность. Без нее закон теряет свою определенность, и создаются условия для противоречивого его

толкования» [9: 97]. Напомним, что точность речи определяется: знанием предмета, логикой мышления и умением выбирать нужные слова.

Среди множества правил, выработанных для создания нормативного правового текста, важно помнить о целесообразности синонимии – параллельного использования разных языковых способов выражения одного и того же предметного содержания, так как избыточные конструкции, многословие лишают речь силы, ослабляют выражение мысли и затрудняют понимание. Например статья 129 «Клевета» УК РФ, в которой употреблено выражение «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, - ...» [10: 146], в котором, на наш взгляд, наблюдается, во-первых, нарушение лексической сочетаемости. В современном толковом словаре русского языка под редакцией Кузнецова С.А. лексема *порочить* имеет значение «распространять предосудительные сведения о ком-, чем-либо, выставлять в неблагоприятном свете; чернить, позорить». *Честь* толкуется как совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважение личного достоинства другого. Второе значение лексемы *честь* – это хорошая, незапятнанная репутация, доброе честное имя [11: 1508]. Следовательно, честь сама по себе как «совокупность моральных принципов» не может быть опорочена, опорочен или опозорен может быть человек, а честь может быть задета, унижена. В статье 130 «Оскорбление» УК РФ законодатель так и употребляет: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства...» (не дополняя понятием репутация). Во-вторых, с юридической точки зрения (комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией Скуратова Ю.И.) *честь* – это общественная оценка личности, мера

социальных, духовных качеств гражданина как члена общества, которая во многом зависит от самого гражданина, от его поведения, отношения к другим людям, коллективу, государству.

С точки зрения этики понятие чести также опирается на оценку общественной значимости и общественных заслуг личности. Это положительная оценка личности, авторитет, репутация. Лингвисты трактуют понятие *репутация* как создавшееся общественное мнение о достоинствах и недостатках кого-, чего-либо [11: 897]. Итак, юристы, лингвисты и философы имеют единое мнение в трактовке понятий честь, достоинство, репутация. В таком случае, что именно подразумевал законодатель, используя в одной фразе понятия *честь* и *репутация*.

В юридической литературе при рассмотрении вопросов, связанных с языком законодательства, большое внимание уделяется терминологии. Широко распространена точка зрения, в соответствии с которой «юридическая терминология считается основным, наиболее информативным пластом лексики языка законодательства, способствующим точному и ясному формулированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста» [12: 23]. С одной стороны, юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью. С другой стороны, терминами считаются все нормативно значимые слова. А нормативное значение приобретают все полнозначные (не служебные) слова, включенные в состав нормативных актов. Поэтому рассуждения о терминологии в этом понимании можно было бы распространить практически на всю знаменательную лексику нормативных актов. Несмотря на то, что язык зако-

нодательства охватывает терминологию самых разнообразных отраслей знания, его понятийный аппарат, как правило, не выходит за рамки общеупотребительной терминологии и этим весьма существенно отличается от языка науки и техники.

При анализе употребления некоторых слов и словосочетаний в текстах статей Уголовного кодекса Российской Федерации мы столкнулись с использованием терминов, близких по значению. Так в статье 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» используются термины «обман» и «злоупотребление доверием». В комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.М. Лебедева приводится пример, поясняющий, что будет считаться обманом, а что злоупотреблением доверия. «Например, *обман* будет в случаях, когда виновный пользуется электрической энергией, не производя соответствующей оплаты, изменив показания счетчика. Обман может заключаться в предоставлении фиктивных документов. Например, искажений условий договора купли-продажи, чтобы уменьшить размер пошлины. *Злоупотребление доверием* – в случаях, когда проводник поезда провозит без билета пассажира, получив от него плату за проезд... Проводник провозит без билета пассажира и получает плату, он лишает железную дорогу соответствующего платежа и причиняет материальный ущерб, злоупотребляя доверием...» [13: 26]. Семантика слов *обман* и *доверие* в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [11: 368, 684] трактуется следующим образом: обман – это слова, поступки, действия и т.д., намеренно вводящие других в заблуждение. Второе значение - заблуждение, ошибка. Слово *доверие* объясняется как убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-либо, чему-либо. Термин *злоупотребление доверием* озна-

чает использование чьего-либо отношения, основанного на убежденности кого-либо в искренности, честности в целях извлечения материальной выгоды за счет собственника или законного владельца. Следовательно, использование доверия в целях извлечения материальной выгоды за счет собственника является словом, поступком или действием, намеренно вводящим другого человека в заблуждение. Обман в случае, когда виновный пользуется электрической энергией, не производя соответствующей оплаты, изменив показания счетчика, также можно характеризовать как злоупотребление доверием. В данном случае организация, предоставляющая электроэнергию, доверяет потребителю энергии эксплуатацию счетчика и снятие с него объективных показателей. При абсолютном недоверии между покупателем и продавцом договор должен бы отсутствовать вообще и процесс купли-продажи не производиться.

В статье 117 УК РФ «Истязание» говорится о «причинении физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями... по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды...». В Большом толковом словаре русского языка слово *ненависть* объясняется как «чувство сильнейшей вражды, неприязни», а слово *вражда* – это «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью». Скорее всего, законодатель, при употреблении слова *ненависть*, подразумевает чувство вражды, неприязни, а под словом *вражда* подразумевает действия, проникнутые ненавистью, неприязнью, однако *вражда*, как правило, не может быть односторонней, это обычно обоюдные действия, проникнутые чувством ненависти. В статье же указывается (и это естественно) уголовная ответственность только одной стороны - преступника. В этой статье законодатель *вражду* квалифицирует не как некие действия, а

только как отношение, чувство. В связи с этим в данном контексте слова *ненависть* и *вражда* синонимичны.

Использование союза *или* в приведенных примерах указывает на необходимость выбора и должно подчеркивать разное значение между словами – *ненависть* или *вражда*, *обман* или *злоупотребление доверием*, между тем в этих текстах слова являются синонимичными и использование союза *или* не уместно.

Таким образом, главными требованиями к языку законодательства являются ясность, простота и максимальная точность его выражения, не допускающая возможности различий в толковании. Требование точности слова является не только требованием стиля, но, прежде всего, требова-

нием смысла. Стремление к понятности может уменьшить точность юридического текста и, напротив, повышенное внимание к точности способно привести к усложнению его текста. Однако ведущей для нормативного текста является точность. Без нее закон теряет свою определенность и создаются условия для противоречивого его толкования. Право способно воздействовать на волю и сознание людей только с помощью языка, поскольку именно язык служит средством передачи информации о содержании правовых предписаний. Для того чтобы текст закона был понятным и в то же время правильно, без искажений отражал действительность, необходимы достаточно высокие лингвистические стандарты в сфере языка законодательства.

Примечания:

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Издание 2-е, исправл. и дополн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 349с.
2. Котюрова М.П. Культура письменной научной речи: стереотипность и творчество в тексте / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. статей / под ред. проф.М.П. Котюровой. Вып. 7. – Пермь: изд-во Пермск. ун-та, 2004. – С. 219-233.
3. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592с.
4. Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения: Монография / Галяшина Е.И. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236с.
5. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2008. – 688 с.
6. Голев, Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. – С. 174-191.
7. Ахиджакова, М.П. Межкультурные основы в текстовом аспекте современной лингвистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» – М: изд-во АГУ, 2012. – Вып.1. – С. 182-187.
8. Давыденко В.К. Некоторые особенности индексирования текстов нормативных актов // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. - М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1978, Вып. 11. - С. 61-73.
9. Пиголкин, А.С. Введение // Язык закона. – М., 1990. – 200с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации – М., Омега-Л, 2004. – 264с.
11. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. – С-Пб., Норинт, 2001. – 1536с.
12. Протасов В. Н. Правоотношения как система. – М.: Юрид. лит., 1991. – 144с.
13. Лебедев, В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 880с.

References:

1. Hagege C. A speaking person: The contribution of linguistics to the humanities. Edition 2, corrected and enlarged. – M.: Editorial URSS, 2003. – 349 pp.
2. Kotyurova M.P. The culture of the written scientific language: stereotype and creativity in text / M.P. Kotyurova // Stereotype and creativity in text: interuniversity coll. of scient. articles / ed. by the Prof. M.P. Kotyurova. Issue 7. – Perm: the Perm University publishing house, 2004. – P. 219-233.
3. Baranov, A.N. Linguistic examination of the text: theory and practice: a manual / A.N. Baranov. – M.: Flinta: Nauka, 2007. – 592 pp.
4. Galyashina, E.I. Foundations of the judicial speech studies: a monograph / Galyashina E.I. – M.: STENSI, 2003. – 236 pp.
5. Rossinskaya, E.R. A court expertise in the civil, arbitration, administrative and criminal process / E.R. Rossinskaya. – M.: Norma, 2008. – 688 pp.
6. Golev, N.D. Tolerance as a vector of antinomy being of a language // Philosophical and lingvoculturological problems of tolerance: a collective monograph. – Yekaterinburg, 2003. – P. 174-191.
7. Akhidzhakova, M.P. Intercultural bases in the text aspect of modern linguistics // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts» – M.: AGU publishing house, 2012. – Issue1. – P. 182-187.
8. Davydenko V.K. Some features of indexing the text normative acts // Problems of improvement of the Soviet legislation. Works. – M.: VNIISZ Publishing house, 1978, Issue 11. – P. 61-73.
9. Pigolkin, A.S. Introduction // The language of law. – M., 1990. – 200 pp.
10. The criminal code of the Russian Federation – M., Omega-L., 2004. – 264 pp.
11. Kuznetsov S.A. Big explanatory dictionary of the Russian language. – SPb., Norint, 2001. – 1536 pp.
12. Protasov V.N. Legal relationship as a system. – M.: Yurid. lit., 1991. – 144 pp.
13. Lebedev, V.M. Comments on the Criminal Code of the Russian Federation. – M.: NORMA publishing house, 2002. – 880 pp.